

Владимир Жуков

**ЧТО
НАПИСАНО
ПЕРОМ...**

РАССКАЗЫ

18+

Владимир Александрович Жуков
Что написано пером...
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49601150

SelfPub; 2020

Аннотация

Цикл рассказов по мотивам конкретных историй, происшествий, юмористических, сатирических и курьезных ситуаций в реальной жизни, нередко превосходящих самые замысловатые сюжеты.

Содержание

«Ракетчик»	4
Зри в корень!	13
Юная Кармен	24
Ночной рейд	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

«Ракетчик»

– Я – ракетчик! – часто с гордостью, выгнув грудь колесом, бравировал мой давний знакомый Николай Юшков.

– Какой из тебя ракетчик, даже в стройбате не служил, – возражаю я и напоминаю поговорку. – Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Не вздумай по пьяной лавочке заявить, что служил в РВСН.

– Да, на службу меня не призвали из-за медвежьей болезни – плоскостопия, – признался Николай. – А потом, когда стукнуло 27, военкомат перестал досаждать повестками. Хотели забрить в стройбат, где строевая подготовка не обязательна, но откосил. Все равно считаю себя ракетчиком. Вспомни, ты ведь тоже метил в ракетчики, но остался теоретиком, а я – практик.

Действительно, факты – упрямая вещь. Юшков прав, я тоже мог стать ракетчиком. На срочную службу меня призывали дважды. Сначала за две недели до того, как исполнилось 18 лет. Трое суток кантовался на нарах на сборочном пункте в Симферополе, но отпустили домой, так как строго соблюдали закон. Едва отметил с друзьями день рождения и отправили в учебное подразделение мотострелковой дивизии, дислоцированной в городе Николаеве.

Через два года – дембель. Возвратился в родное село Но-

вый Мир. В военном билете отмечено: звание «старший сержант» и специальность «химический инструктор-дозиметрист». В мирное время она не востребована, так как нет необходимости замерять уровень радиации и определять зараженность местности боевыми отравляющими веществами, либо опасными бактериями и вирусами. Не идти же мне на ферму скотником, быкам и коровам хвосты крутить? Там и без меня мужиков хватает.

В семидесятых годах прошлого столетия о таком порочном явлении, присущем буржуазному обществу, как безработица, знали лишь по школьным учебникам, а тунеядцев, бродяг, попрошайек за аморальный паразитический образ жизни привлекали к ответственности по статье 214 Уголовного кодекса. Государство всем гражданам гарантировало право на труд, социальное обеспечение, охрану здоровья и отдых.

В конторе совхоза мне и Николаю предложили учебу на месячных курсах ракетчиков противорадового отряда в поселке Золотое поле Кировского района. В те годы в южных регионах страны, особенно в Молдавии, Крыму, Краснодарском крае и на Кавказе, масштабно развивалось садоводство и виноградарство. Большой урон зерновым и многолетним насаждениям причиняли не только поздние заморозки, но и осадки в виде града, выбивавшего зерна из колосьев, повреждавшего фрукты, ягоды, овощи.

Мало того, что дожди с градом снижали урожайность, но

вреждали качеству, товарному виду плодов с побитой, будто оспой, кожицей, что, отнюдь, не привлекало покупателей.

Вместе Юшковым с командировочными удостоверениями, прибыли в пункт назначения, расположенный в пятидесяти километрах от родного села в предгорной лесной местности. Под началом отставного майора артиллерии Федора Битюга с красным, как фонарь лицом и стойким запахом перегара, собралось десятка два будущих борцов с грозowymi облаками. Выше среднего роста, кряжистый с круглой, словно глобус, головой, офицер соответствовал своей фамилии. Назубок знал поэму Константина Симонова «Сын артиллериста», часто повторял, что артиллерия – гром войны и победы. Устраивал построение перед началом и по завершении занятий, что многим, в том числе и мне, напоминало об армейской жизни.

– Гордитесь, вы не просто курсанты, а ракетчики! – пафосом твердил отставник и сурово предупреждал. – Зарубите на носу, здесь не шарашкина контора. Строго соблюдайте военную дисциплину, иначе отправлю в комендатуру на гауптвахту. Тех, кто будет закладывать за воротник, пропускать занятия, уволю к чертовой матери.

Курсантов поселили в общежитии, а занятия майор проводил в помещении «красного уголка». Как-то случайно заглянул в кабинет, когда его там не было. Увидел на подоконнике батарею пустых бутылок из-под водки, вина и пива, которые Битюг не успел сдать в пункт приема стеклотары. Ста-

ло понятно, как наш наставник проводит досуг. Может потому, что противогодовая пушка в сравнении с ракетными системами залпового огня «Град», «Шквал» и «Смерч» для него представлялась детской игрушкой.

Хриплым голосом, наверняка, после дружеского за бутылкой перцовки или вермута общения с Бахусом, майор по схеме на плакате, рассказывал об устройстве, технических данных пушки, о снаряде и капсуле с реагентами, рассеивающими грозные облака.

Перевел дыхание, жадно выпил стакан воды, утолил жажду, поскольку «горели трубы» и спросил:

– Какие будут вопросы?

– Товарищ майор, не стрелять же наобум Лазаря по всем облакам. Как снизу определить, какие из них таят в себе град и представляют угрозу для урожая? – поинтересовался я.

– Это забота спецов, метеорологов. Они запускают зонды приборами, датчиками определяют уровень риска, – ответил офицер. – Ваше дело, как в армии, беспрекословно выполнять приказ из противоголового центра. Если прозвучит команда: стрелять!, то, не мешкая, следует ее выполнить, чтобы тучу ветром не отнесло в сторону и выстрел не оказался холостым.

– Когда приступим к практическим занятиям? – подал голос Юшков и с озорством добавил. – Очень хочется стрелять, аж руки чешутся.

Все рассмеялись, а Битюг побагровел и зычно приказал:

– Отставить цирк! Хотеть не вредно, еще настроляетесь. Заряды слишком дорогие, потому, чтобы был прок, по завершению учебы дождемся грозового облака и выстрелим.

Николай таки дождался своего первого выстрела, а я на полпути сошел с дистанции. На выходные дни мы наведывались в село. Однажды ему пришлось возвращаться в Золотое поле одному. Из редакции районной газеты «Приазовская звезда», куда я неделю назад отправил несколько рассказов и стихи, пришло письмо за подписью редактора Василия Сумарокова с приглашением на собеседование.

На сердце потеплело, ибо не сложно было догадаться, что появился шанс стать корреспондентом. В противном случае, поступил бы стандартный ответ: «К сожалению, вакансии нет». Интуиция не подвела, без наличия высшего образования меня приняли в штат газеты на должность литературного сотрудника сельхозотдела. В поездках по селам района чередой потекли интересные будни. Встречи с людьми, героями публикации статей, очерков, репортажей, интервью...

Николай завершил учебу и заступил на вахту. Орудие его труда – противогодовая пушка – находилась в трех километрах от села рядом с пальметными яблоневыми садами, которые Юшков и призван был защитить от града. Как только на небо напозлали свинцово-серые, набухшие влагой, тучи и по рации звучал приказ: «пли!» он с азартом запускал ракету.

За все лето с неба не пролилось, даже кратковременного

дождя. Овощные грядки на приусадебных участках засохли, а цветы в палисадниках завяли, почва потрескалась. Жители села поняли, в чем корень зла и к дому, где ракетчик проживал с родителями, зачастили делегации, не только из Нового Мира, но и ближайших сел.

– Николай, имей совесть, – увещевали ходоки. – Только кучевые облака обернутся на небосклоне, то появляется надежда на дождь. Как малые дети, ждем и радуемся. Еще молния не сверкнет и гром не прогремит, а ты из пушки – бабах! Облака рассеялись в клочья, ни одной дождейки, на дорогах пыль столбом. Из-за тебя, супостата, в огородах все посохло, трава на пастбищах выгорела, коровы, овцы и козы голодные. Где ты на нашу голову взялся!?

– Зато фрукты и ягоды градом не побиты, любо-дорого на них поглядеть, – деловито отвечал Николай.

– Одними фруктами и ягодами сыт не будешь, – возражали просители.

– Я – ракетчик, хотя без мундира с лампасами и погон, обязан подчиняться командиру. Коль приказывает стрелять, то стреляю, это моя главная функция, – объяснил Юшков.

– Без разбора по всем облакам и дождевым, и грозovým палишь?

– Начальству с колокольни виднее, какие облака представляют опасность. Если откажусь выполнить приказ, то меня уволят, еще под статью подведут, заставят возместить убытки, причиненные градом. Жалуйтесь в контору совхоза и

сельсовет, а моя хата с краю, я ничего не вижу и не знаю.

Сельчане обращались в эти инстанции, писали жалобы в Москву, но, как только сгущались тучи, со стороны сада, будто праздничный салют, доносилось бабах! В отличие от взрослых, сельские подростки были довольны. При виде грозовых туч, они настраивали слух на ожидаемый выстрел. Словно горох, рассыпались по округе в поиске капсулы с шелковым парашютом оранжевого цвета. Вскоре на девчонках появились модные платья и сарафаны из этой яркой ткани.

Юшков, сам того не желая, превратился в изгоя. При встрече односельчане перестали ним здороваться, а девушки отказали в свиданиях и нежностях.

– Думал, что за мною, ракетчиком, девки будут табуном ходить, а они, наоборот, перестали любить. Наверное, их родители против меня настроили, – как-то пожаловался он – Хоть, куда глаза глядят, беги из родного села. Эх, тоска зеленая.

– Уходи из ракетчиков, тем более, что работа сезонная, иначе наживешь себе много явных и тайных врагов, – посоветовал я. – Не ровен час у кого-нибудь из них сдадут нервы, пустит «красного петуха» и окажешься без вины виноватым погорельцем.

– Пока я на службе, так уж и быть, как только тучи сгустятся, приходи на огневую позицию. Дам стрелнуть, а то ведь две недели без толку проучился, – предложил Николай. –

Ощутишь азарт ракетчика.

–А потом по селу пустишь слух о том, что это я бабахнул по дождевым облакам, – заподозрил я его в хитрости. – Нет уж, этот номер у тебя не пройдет. Спасибо, я в армии настроился из АКМ, пулемета и гранатомета.

– Проницательный ты, однако, – усмехнулся Юшков.

Он все же внял моему совету. Под предлогом того, что возникли проблемы со слухом, мол, оглох и отупел от выстрелов, написал заявление об увольнении. Но место пусто не бывает, нашли ему замену. Пока искали, пушка молчала и за это время на радость жителей, даже без крестного хода и поповских молитв, прошел обильный ливень. Воздух насытился озоном и все вокруг, утолив жажду, зазеленело.

Юшков не остался без дела, поступил в Бахчисарайский строительный техникум. Получил диплом и в качестве прораба сколотил бригаду шабашников. Они подвизались возводить особняки, сауны и гаражи на загородных дачах партийных, советских чиновников, деятелей культуры и искусства. В бригаде, по его словам, завелась паршивая овца, испортившая все стадо – бывший уголовник с погоняло Дрын. Он заподозрил в Николае ненасытную крысу, похитившую часть общей казны. Чуть битой не поколотили, едва успел дать деру, выручили смекалка и спортивная закалка

При каждом удобном и неудобном случае, особенно, будучи подшофе, Юшков с гордостью изрекает: «Я – ракетчик!».

У меня сразу же возникает ассоциация с подводником, который ни разу не был на субмарине. Однако, восседая на подводе (телеге) и управляя сивым меринном, считает себя морским офицером-подводником.

Зри в корень!

Прежде у тех старожилков, кто готовился к неизбежной встрече со старухой с косою и переправе через реку Забвения в «долину вечности», головы не болели о приобретении гроба, креста, черного крепа и прочих атрибутов и аксессуаров траурной церемонии. О панихиде, отпевании тогда, в пору воинствующего атеизма, когда церковь, тайно опекаемая агентами КГБ, действительно была отделена от государства, помышляли лишь единицы.

Лишь у некоторых набожных старушек хранилась в горнице библия, висела иконка богородицы. Октябрята, пионеры, комсомольцы, не говоря уже о коммунистах, уверовав в тезис «религия – опиум для народа», были атеистами, не верившими в загробный мир, ни в рай, ни в ад.

Почему же не болела голова о последнем пути туда, откуда нет возврата? Администрация, профком, будь то совхоза, колхоза, любого другого предприятия и учреждения брали на себя значительную часть расходов на погребение своего работника, ветерана труда, пенсионера. Если человек был орденосцем, ударником комтруда или пятилетки, то и поминки устраивались за счет казенных средств. Мало того, родственникам усопших оказывалась материальная помощь.

В совхозе «Феодосийский» произошел курьезный случай.

Сорокалетние ровесники плотник Сергей Реутов и столяр Вячеслав Зарубин подметили, что заведующий хозяйственным двором Егор Васильевич Пантюха отличается излишней доверчивостью и суетливостью. Будучи по темпераменту холериком, имитирует высокую занятость текущими делами, кипучую деятельность. Нередко, не вчитываясь в содержание, подписывает наряды, накладные, платежки.

Однажды после полочки, пребывая под «градусом», они решили проучить начальника, слегка покуражиться. В обеденный перерыв заглянули в конторку Пантюхи. Пока тот с кем-то разговаривал по телефону, умыкнули со стола чистый бланк по оформлению заказа на выполнение работы, будь то изготовления окон, дверей для жилых домов, ферм ихозпостроек. Возвратились к расположенному рядом столярному цеху с пилорамой. Наспех перекусили домашней снедью.

Предвкушая последствия и, потешаясь, заполнили бланк. Для них это не составило большого труда, так как подобные заказы нередко поступали к ним на исполнение.

Обычно каждое утро завхоз собирал подчиненных на планерку и давал задание на текущий рабочий день. Причем, не в устной форме, которую, как известно, к делу не пришьешь, а в виде документально оформленных нарядов. По ним в бухгалтерии начисляли зарплату.

– Васильич, надо бы пополнить запасы бревен на пилораме, – Вячеслав отвлек завхоза предложением, а Сергей, увидев удобный момент, подсунул заполненный бланк в стопку

на столе начальника.

– Пополним, отправлю в райцентр пару грузовиков, – пообещал Пантюха и с пафосом продолжил. – Товарищи, не бейте баклуши, не валяйте дурака. Чтобы никаких перекуров, дорожите каждой минутой рабочего времени. Как говорят: делу – время, а потехе – час! Если выполните квартальный план, то каждому гарантирую премию в размере пятидесяти процентов от месячной зарплаты.

– Постараемся, постараемся! – послышались взволнованные голоса. Оно и понятно, ведь обычной премии в пять рублей за успехи в соцсоревновании, едва хватало на три чекушки или на четыре бутылки «Вермута».

Удовлетворенный бурной реакцией подчиненных, Егор Васильевич роздал бланки с заказами. Зарубин получил им же заполненный, но подписанный завхозом, бланк.

– Сработало, номер удался! – выразил общий восторг плотник, когда они возвратились в цех. С азартом, не мешкая, взялись за работу. Подобно пожарной сирене взвыла пилорама, острыми зубьями пил вгрызаясь в сосновое бревно и превращая его в брус. Из-под пил посыпались свежие смолистые опилки.

Ко второй половине дня гладко оструганный гроб и крест были готовы. Оставалось обить деревянное ложе и крышку черным крепом. И с этим привычным делом плотник и столяр управились быстро.

Во втором часу пополудни на пилораму и столярный цех

наведался Пантюха. Он придиричиво оглядел гроб, крест и похвалил:

– Молодцы мужики, сразу видно, что дело мастеров боится

– Это как раз тот случай, когда волынку не потянешь, покойник ждать не будет, – заметил Вячеслав.

– Да, не будет, – подтвердил завхоз. – Деревянный тулуп для усопшего или усопшей готов. Надо бы известить, что заказ выполнен. Кстати, напомните, кто дуба дал, а то я за делами и заботами запамятовал? Кручусь, словно белка в колесе.

– Васильич, вы же сами подписали наряд и должны знать, для кого предназначена эта домовина, – упрекнул Сергей.

– Вы, что же, не читали задание? – удивился завхоз.

– Читали, но наше дело маленькое. Коль поступил срочный заказ, то выполняй и не рыпайся, – ответил Зарубин.

– Подайте-ка, наряд, узнаю, кто преставился? – велел Пантюха. Столяр, сдерживая себя, чтобы не рассмеяться, подал бланк наряда. По мере того, как Егор Васильевич вчитывался в текст, суровая маска наползала на его лицо, а глаза полезли из орбит: «Гроб сосновый, стандартный для скоропостижно скончавшегося от инфаркта сердца Пантюхи Егора Васильевича».

– Что за бред сивой кобылы! – возмутился он. – Вы же видели на планерке, что я жив, здоров. У меня сердце здоровое, работает, как часы. Получается, что перед тем, как уме-

реть, я успел заказать себе гроб и крест. Абсурд. Ни в какие ворота не лезет! Кто сочинил эту филькину грамоту? Почему мне сразу не сообщили, я бы аннулировал подлог?

– Предположили, что вы, воспользовались служебным положением, решили заблаговременно обзавестись гробом и крестом. Это избавит семью от лишних хлопот, – ответил столяр. По тональности, иронии в голосе Вячеслава завхоз догадался, чьи это проделки.

– Шутники, прохвосты, до чего додумались!? – сокрушался завхоз. – Наверное, заложили за воротник, ради потехи.

Вспылив, он разорвал бланк в клочья.

– Что ты, Васильич, обиделся, как малое дитя, шуток не понимаешь? – осуждающе заявил Реутов. – Не принимай близко к сердцу, относись к этой затее с юмором. Мы без злого умысла, а ради твоей же пользы, чтобы впредь проявлял бдительность, доверял, но и проверял. Ведь завистники могут подвести под монастырь. Не глядя, подпишешь документ, а по сути, себе приговор. Вдруг сам, того не ведая, отправишь «налево», цемент, кирпич, шифер, стекло, пиломатериалы, трубы и... вылетишь в трубу! Попадешь в поле зрения ОБХСС, круто возьмут за жабры, обвинят в хищении собственности в крупном размере. За это светит «путевка» на Колыму или в другой медвежий угол.

– Васильич, не горячись. Ни тебе, ни нам дурная слава не нужна. Коль произошел такой казус, то тебе суждено жить долго и счастливо. Помни, что на обиженных воду возят, –

напомнил Зарубин. – Наш тебе дружеский совет: прежде, чем подписывать бумагу, зри в корень, в суть документа. Хорошо, что эта «липа» не попала в бухгалтерию, иначе бы «прославился» на весь совхоз.

– Подам иск в суд за оскорбление чести и достоинства, – пригрозил Пантюха, судорожно собирая ключья бланка, как вескую улику против обидчиков.

– По-да-вай! – хором нараспев, заявили подчиненные.

– Как мы могли оскорбить твое достоинство, если ты сам себе заказал гроб? – осадил его вопросом Реутов.

– Я не заказывал! – возмутился завхоз.

– Чья подпись под заказом? – наступал Сергей. – Что написано пером, не вырубишь топором.

– Васильич, подумай репой, прежде, чем идти в суд, – посоветовал столяр. – Во-первых, в суде за подачу иска с тебя сдерут пошлину, не исключены расходы на юриста. Во-вторых, станет известно, что ты подписываешь документы, не вникая в их содержание. Тебя же самого в суде обвинять в служебной халатности при работе с документами строгой материальной отчетности. Мы с Сергеем не поленились, попросили в библиотеке Уголовный кодекс и выяснили, что тебе грозит наказание до четырех лет лишения свободы.

– В-третьих, есть реальный риск лишиться должности, тем более, что твой зам Тимофей Яковлевич дышит тебе в затылок, – поддержал приятеля Реутов, опустив Пантюху на грешную землю. – Директор суров, как крутое яйцо, не про-

стит халатность и очковтирательство, понизит в должности или уволит.

– Не уволит. У меня большие трудовые заслуги, полный чемодан почетных грамот, дипломов, знаков отличия, вымпелов...

– У нас тоже немало заслуг, – усмехнулся Зарубин. – Пока ты шелестел бумажками, мы изготовили не меньше сотни гробов, крестов. Кроме того, столы, тумбочки, этажерки, табуретки, стенды для наглядной агитации, деревянные нужники, другие столярные изделия. Не о тебе, о нас Володя Высоцкий сочинил эту душевную песню.

Подражая популярному актеру, поэту и барду, Вячеслав запел:

Выходили из избы
здоровенные жлобы,
Порубили те дубы
на гробы...

– Очень задушевная песня, аж мороз по коже, – с иронией оценил Егор Васильевич. – Именно, жлобы, которым вы подражаете, а следует равняться на честных тружеников.

«А ведь они правы, мне до пенсии осталось три года. Если освободят от должности, то куда я пойду? – озадачился завхоз. – Разве что скотником на ферму, хвосты быкам крутить и в навозе ковыряться. Если слух дойдет до директора

Леонида Вайцмана, то вызовет на ковер и снимет стружку. Поэтому в моих интересах не раздувать скандал, а уладить конфликт мирно».

– Ладно, мужики, оплошал, с кем не бывает, но и вы держите язык за зубами, – после паузы, взвесив все «за» и «против», согласился он на компромисс. Считаю инцидент исчерпанным.

– Как быть с гробом и крестом? – спросил плотник.

– Разобрать! Бесхозный гроб – дурная примета, обязательно к покойнику, – с суеверием промолвил завхоз.

– Глупые предрассудки, – возразил Зарубин. – У супругов Дегтевых, которые уже разменяли девятый десяток лет, больше тридцати лет в амбаре стоит пара дубовых гробов. Хранят в них от крыс, мышей и других грызунов, пшеницу, кукурузу, семена подсолнечниками. Сами старики в зловещие приметы, порчу, сглаз не верят, помирать не собираются.

– Зачем гроб разбирать, постарались на совесть, – поддержал приятеля Реутов. – Не сегодня, так завтра, кто-то в селе дуба даст, а гроб уже готов, дожидается своего клиента. Нам не придется пороть горячку. Будь моя воля, я бы заготовил с десяток гробов впрок. Этот товар надолго не залеживается. К тому же, рискуем не выполнить план по объему работ, тогда премия накроется медным тазом.

В этих аргументах Пантюха нашел рациональное зерно, поэтому доверительно попросил:

– Мужики, об этом случае никому, особенно своим бабам, ни единого слова. А то, словно сороки, разнесут по селу. Дождемся очередного покойника, а наряд на заказ я переоформлю задним числом.

– Правильно, мудрое решение, – похвалил искусный столяр. Но шило в мешке не утаишь. Слухи дошли до Вайцмана и он сделал Пантюхе серьезное внушение. Предупредил, что если подобное повторится, то будет уволен.

С той поры много воды утекло. Канула в Лету страна Советов, нет ни совхозов, колхозов и трестов, в одном из которых произошла эта история. Не осталось следов от хоздвора с пилорамой, мастерской, гаража, ферм и многих других производственных объектов. Не слышно музыки духового оркестра во время торжественных и печальных событий. В селах, где прежде трудились тысячи людей, круглый год кипела, бурлила жизнь, царят тишина и уныние. В упадке и запустении соцкультбыт. От общих праздников, радостных и печальных церемоний остались воспоминания. Ныне над чувством коллективизма, сострадания, милосердия к ближнему доминируют корысть, эгоизм и отчуждение.

Земля распаевана между доживающими свой век аборигенами, за жалкие гроши сдана в аренду мелким фермерам. А те, не выдержав конкуренцию и натиск (отжим) на их участки латифундистов, разоряются.

Что до траурной процедуры погребения, проводов в последний путь, то это печальное мероприятие для родни пре-

ставившихся подобно стихийному бедствию: наводнению или пожару, поскольку в один миг поглощает все скудные сбережения на «черный день». Никто ни сельских, ни городских тружеников, отдавших здоровье и силы для укрепления государства, последние услуги и почести, бесплатно, за счет профсоюза, как это было при едином государстве, не окажет. Все бремя расходов ложится на плечи наследников, зачастую безработных, малоимущих. Не случайно ритуально-похоронный бизнес на горе и страданиях людей – самый криминальный и прибыльный. В нем имеют свой куш и вездесущие попы с кадилами, ибо «опиум для народа» снова востребован.

В советский период кощунственно, аморально было вымогать деньги у людей, которых постигло горе. Напротив, помогали, сочувствовали. И жирных попов редко кто пускал на порог. Кто верил в загробный мир, ставил в церкви свечу и на том процедура финишировала.

Знал бы Пантюха, что произойдут такие метаморфозы, то по примеру почивших в бозе супругов Дегтевых, заранее подготовил бы дубовый гроб, которому в отличие от нынешних пластиковых, нет износа. На гроб из красного дерева придется работать с юных лет до последнего вздоха. В 90-х годах из-за дефицита древесины в ходу были целлофановые пакеты.

Не успеет человек испустить последний дух, а у дверей его дома или квартиры уже толпятся конкурирующие друг

с другом, гробовщики, имеющие доступ к конфиденциальной информации о предсмертном состоянии потенциальных клиентов. Под личиной соцработников периодически интересуются самочувствием и, подобно черным грифам нетерпеливо ждут летального исхода. На запах трупа слетаются саранчой. При этом твердят: ничего личного, только бизнес!

Пока родственники пребывают в шоке от свалившегося горя, оформляют заказ на ритуальные услуги, чтобы срубить максимум бабла. Когда под воздействием психологического прессинга договор на услуги оформлен, поздно пить боржоми и посыпать голову пеплом.

Юная Кармен

– Володя, через полчаса в районном Доме культуры начнется концерт, посвященный Дню работника советской торговли, – сообщила мне ответственный секретарь редакции Людмила Сергиенко. – Других сотрудников под рукой сейчас нет, в разъездах по району, поэтому вся надежда на тебя. Мероприятие радостное, приятное. Плучишь удовольствие от выступления артистов. Заодно подготовишь репортаж в очередной номер. Как говорят, совместишь приятное с полезным.

– Так точно! – по армейской привычке, так как прошел лишь год после демобилизации из армии, ответил я. Во время срочной службы, то есть исполнения воинской повинности, сотрудничал в окружной газете, издаваемой в Одессе, то, оценив опубликованные на ее страницах статьи и стихи, меня без диплома о высшем образовании, приняли литсотрудником сельхозотдела редакции районной газеты «Приазовская звезда».

– Имей в виду, если мы не осветим это событие, то начальник управления торговли и его подчиненные обидятся. С работниками Мельпомены, обладателями дефицитных товаров, следует дружить, – наставляла коллега. – Жду от тебя живописный репортаж. Оставляла место на 180 строк на чет-

вертой странице. Придется писать оперативно, прямо с колес.

– Не впервой, – уверенно ответил я и, не мешкая, направил свои стопы в Дом культуры, расположенный в двухстах метрах от здания редакции. О том, что работники торговли в большом почете я убедился, когда со стороны наблюдал за участниками первомайской демонстрации, украшенной флагами, транспарантами с лозунгами, портретами Ленина, Маркса, Энгельса и члена Политбюро ЦК КПСС. Районное начальство: секретари райкома, председатель райисполкома, его замы наблюдали за шествием с высокой трибуны, установленной на главной улице поселка. Следуя классовой субординации в первых рядах шли трудовые коллективы предприятий «Сельхозтехники», комбината хлебопродуктов, «Сельхозхимии», молокозавода и винзавода, СМУ, ПМК, транспорта, затем труженики передовых совхозов и колхозов. За ними по табели о рангах должны бы следовать представители творческой интеллигенции: учителя, врачи, работники культуры. Но, увы, этот сегмент колонны возглавили работники торговли.

Своими модными, роскошными одеяниями, костюмами, платьями, блузками, добротными туфлями, они разительно отличались от других участников демонстрации, облаченных в серые, коричневые и другие темные и мрачные одежды. Оно и понятно, что в отличие от «сапожника, который без сапог» работники прилавка, особенно заведующие складами, базами и экспедиторы имели доступ к дефициту.

Не ускользнуло из внимания, что с трибуны их приветствовали бурными аплодисментами и пафосным возгласом: «Слава работниками советской торговли!» В ответ из ликующей колонны прозвучало троекратное: «Ура!» В пору дефицита, когда импортные товары распределялись по разнарядке среди передовиков производства или «своих людей» профессия продавца была очень престижной.

В Доме культуры, куда я прибыл за десять минут до начала концерта, царило праздничное оживление. Зрители в одеждах радужных, словно на карнавале, расцветок. занимали места в большом зале, над сценой которого с бархатисто-золотистыми шторами был закреплен лозунг: «Спраздником, дорогие работники торговли!» В просторном фойе у буфетных стоек, до объявления «сухого закона» еще было пятнадцать лет, толпились в основном мужчины, решившие для бодрости и моторности, дегустировать коньяк, водку, марочные вина или утолить жажду пивом.

«Почему бы и мне для подъема настроения не принять «на грудь» граммов пятьдесят коньяка ли двести граммов «Портвейна», «Муската»? – возникла шальная мысль, но бдительная совесть, подобно суровому надзирателю, напомнила. – Ты при исполнении обязанностей, должен трезво оценить концерт, оперативно подготовить и сдать репортаж в секретариат. У зрителей праздник и они могут себе позволить поднять «градус». От соблазна мне пришлось отказаться.

После краткой официальной части, ведь зрители явно не настроены на доклад или лекцию, поздравлений, прозвучавших из уст первого секретаря райкома партии Василевского и председателя райисполкома Светличного, состоялся концерт. Звучали песни, стихи басни, хоровое исполнение, сатирические и юмористические сценки в исполнении участников художественной самодеятельности, учащихся детской музыкальной школы.

Меня, как и многих зрителей впечатлило выступление танцовщицы Нины Бутаковой. Ее ведущий представил, как работницу центрального универмага. Девушка в огненно-красном платье с алой розой в черных, как смоль локонах, выбежав на сцену, под звуки мелодии из оперы Бизе и неподражаемый голос оперной дивы Елены Образцовой, темпераментно исполнила зажигательный танец. Я замороженно наблюдал за пластикой ее изящного тела, за движением рук, слившихся с гармонией музыки.

– Нина, умница, огонь! Знай наших! Bravo! – доносилось из зала. Своим голосом к этим эмоциям я тоже добавил скромные децибелы.

Танцовщицу бурными овациями дважды вызывали на сцену. Вручили роскошные букеты алых и белых роз, сувенир. Она, приложив руку к сердцу, театрально раскланивалась, излучала чарующие улыбки. В отличие от меня, впервые увидевшего Нину, ее коллеги по центральному универмагу и управлению торговли, знали о хореографических спо-

собностях. Для них этот триумф не был неожиданным.

К тому времени не обремененный семейными узами, я задался целью познакомиться с очаровательной брюнеткой, обладательницей адмиральской фамилии Бутаков. Но в тот момент проявил сдержанность, не побежал за кулисы или в гримерку, чтобы выразить свое восхищение, а после того, как опустил занавес, зрители направились к выходу, поспешил в редакцию. Находясь под впечатлением от юной Кармен, в течение получаса на одном дыхании написал репортаж «В гармонии танца и музыки». Как и советовала Сергиенко, не пожалел ярких красок и сочных эпитетов. Отдал Людмиле машинописный текст. Она внимательно прочитала:

– Ни секунды не сомневалась, что концерт тебе понравится, – одобрительно промолвила коллега. – Написал искренне с чувством, а для Нины Бутаковой, даже не поскупился на слова «талантливая», «темпераментная».

– Так оно и есть, не преувеличил, не покривил против истины, – смущенно, чувствуя, что краска заливает лицо, – подтвердил я. – Танец в ее исполнении стал гвоздем программы. Вы бы видели реакцию зала, одобрительные возгласы, бурные аплодисменты, овации, цветы... Она исполнила Кармен не хуже оперной певицы Елены Образцовой.

– Ну, это ты преувеличил. Елена не только великолепно танцует, но и прекрасно поет, – возразила Сергиенко.

– У Нины все еще впереди, – вступился я за девушку. – Это восходящая звезда, если не оперы, то балета или эстра-

ды.

– Вижу, что она тебе очень понравилась, – проникла в мои мысли Людмила. — Действительно, девушка эмоциональная, яркая. Но не забывай о мудрости: не сотвори себе кумира. А еще у поэта Евгения Евтушенко есть поучительный афоризм: «Очарования ранние прекрасны, очарования ранами опасны». Первые впечатление могут быть обманчивыми. Насчет таланта ты, пожалуй, прав. Я прежде тоже видела Ни-ну на сцене, она танцует, как дышит в своей стихии, легко, непринужденно, что у зрителей вызывает радостные эмоции.

Из диалога с опытной коллегой я понял, что репортаж ей понравился, а в моем сознании засела мысль увидеть Бутакову не только на сцене, но и вблизи, за прилавком.

На следующий день со свежим номером газеты, в котором был опубликован репортаж, я наведалься в центральный универмаг. Вглядываясь в лица молодых продавщиц, читая имена на жетонах фирменной экипировки, я искал среди них очаровательную Кармен.

В секции «Детские игрушки» увидел стройную девушку, чуть выше среднего роста. Мое сердце учащенно забилось. Подошел и с нежностью произнес:

– Здравствуйте, Нина.

– Здравствуйте, – с удивлением отозвалась она и заметила. – Вроде бы мы с вами не знакомы?

– Ваш танец в роли Кармен меня восхитил.

– Вот вы о чем. За признание спасибо, – одарила она ме-

ня взглядом синих с фиолетовым оттенком глаз, окаймленных длинными ресницами, улыбкой губ в перламутровой помаде. – Для любого исполнителя важно мнение зрителя или слушателя. Высокая оценка, подобна награде, вдохновляет и обязывает выступить еще лучше.

Я представился и подал Бутаковой газету:

– Здесь репортаж и в нем несколько строк, посвященных Кармен, то есть вам, жгучей очаровательной брюнетке.

– За комплимент спасибо. Интересно, что вы сочинили? Раньше обо мне только в школьной стенгазете помещали заметки, – призналась она. – Год назад я окончила школу, а потом училась на курсах продавцов, теперь вот на радость малышам продаю игрушки. Зажигательные танцы – моя стихия. Когда исполняю аргентинское танго или испанский фламенко, то ощущаю легкость полета, радость и восторг от гармонии музыки и движения... Вы, что записываете?

С милой улыбкой она обратила внимание на блокнот и ручку в моих руках.

– Конечно, не могу же я сочинять, глядя в потолок. Зарисовка должна быть достоверной, – ответил я и заметил. – Нина, у вас есть шанс поступить в консерваторию. Есть такая в Одессе и, само собой разумеется, в Москве, Ленинграде, Киеве и Харькове.

– Размышляю над этим, а пока, набираюсь опыта, участвую в художественной самодеятельности РДК* и в комсомольско-молодежном клубе «Таврика». Вместе с другими

участниками выступаю с концертами перед сельскими жителями района. Недавно побывали в селах Пруды, Чапаевка, Дмитровка, Ильичево, на областном фестивале «Крымские зори».

– Нина, у вас есть фото, где вы в роли Кармен?

– Зачем, для чего?

– Для публикации в газете, – ответил я, впервые воспользовавшись своим служебным положением. По загадочному блеску ее дивных почти фиалкового цвета глаз понял, что предложение ее заинтересовало. Впрочем, это естественно, ведь каждый творческий человек в той или иной степени тщеславен, что его мотивирует и вдохновляет на покорение высот мастерства.

Бутакова расстегнула дамскую сумочку сиреневого цвета, украшенную разноцветным бисером, извлекла из нее конверт с двумя цветными фотографиями и подала мне. На первой она была изображена за прилавком, а на второй – в образе Кармен. Помедлив, я выбрал второе фото и, как показали дальнейшие события, интуиция меня не подвела.

– Отдаю, но с возвратом, – напомнила девушка.

– Конечно, как только изготовим клише для печати, то сразу верну, – заверил я и, осмелев, заметил. – Не отказался бы от этого или другого фото с дарственной подписью. Приятно постоянно видеть, хотя бы на фото, красивую брюнетку.

– За комплимент спасибо, я подумаю, – обнадежила она и заметила. – Не вздумайте написать о том, что я нашла при-

звание за прилавком, такая карьера меня не устраивает.

Рано осознав силу своего очарования, она уклонилась от прямого ответа, проявила осторожность, подчиняя чувства разуму, оставила себе простор для маневра.

Решив не форсировать события, понимая, что у Нины есть тайные поклонники, а возможно, и жених, я не стал ей предлагать свидание, дабы не выглядеть ловеласом или бабником. Полагал, что лишь после публикации фото и небольшой лирической зарисовки, продолжу более близкое знакомство, а, пока выполняю сугубо журналистские функции.

Когда через два дня отдал Сергиенко зарисовку «Юная Кармен» и фото, она, усмехнувшись, заметила:

– Володя, стрелы Купидона поразили твое сердце. Но не забывай, что газета не литературно-художественное, а официальное, деловое издание, и тем более, не любовный альбом. Жду от тебя статьи, репортажи на темы сельского хозяйства, очерки, зарисовки о передовых хлеборобах, трактористах, доярках, свинарках, чабанах, садоводах, виноградарях. О работниках торговли и культуры есть, кому писать, не отбирай у своих коллег хлеб насущный.

– Намек понял, – смутившись, произнес я. Когда зарисовка о юной Кармен и фото были опубликованы, уже готов был с экземпляром газеты лететь на крыльях к своей пассии, вызов к редактору разрушил планы.

– Мне позвонила директор центрального универмага и высказала претензии по поводу зарисовки «Юная Кармен».

– Какие именно? – не столько удивился, сколько огорчился я.

– Почему ты проигнорировал директрису, не посоветовался насчет выбора героини? К Нине у нее замечаний нет, вежливая, общительная старательная, но она работает в коллективе, как говорится, без года неделя. Также сообщила, что зачастую молодые отцы приходят в ее секцию, не только ради покупки игрушек для малышей, но чтобы полюбоваться, пообщаться. Своей красотой Нина, словно магнитом, притягивает покупателей, успешно выполняет планы по выручке, то есть, реализации товаров.

– Вполне естественно, недаром говорят, что красота спасет мир, а Нина спасает выполнение планов и соцобязательств, – охотно подтвердил я.

– Теперь вижу, что директриса права, предположив, что и ты попал под чары ее работницы. Ее тревожит, что опытные обольстители могут обмануть, испортить красавицу.

– Если она имела меня в виду, то подозрения не по адресу, – отмел я версию.

– Больше всего ее огорчило, что в универмаге есть работницы, за плечами которых от десяти до двадцати лет трудового стажа, а ты выбрал Нину. Обижены, что пресса не уделила им внимание. Намерены пожаловаться в райком партии.

– О Нине я написал, как об участнице художественной самодеятельности, активисте комсомольско-молодежного клу-

ба «Таврика», которая радуется своим искусством не только жителей райцентра, но и сел Советского района. Вполне достойный человек. Спросите об этом у секретарей райкома комсомола, у инструктора Бориса Балаяна, куратора клуба «Таврика».

– Верю, верю, – снисходительно произнесла Полина Иннокентьевна. – Лучше честно признайся, что девушка тебе понравилась?

Я опустил голову, отвел глаза в сторону и тем выдал себя.

– Все понятно, можешь не отвечать, – продолжила редактор. – Возьми себе на заметку и запомни, что при выборе героя публикации, обязательно советуйся с руководителями предприятий, совхозов и колхозов, с секретарями парткома, комсоргами, профсоюзными вожаками. Они лучше знают своих подчиненных, рекомендуют самых достойных с безупречной репутацией. Бесспорно, эстетическое восприятие, личная симпатия или антипатия при общении с человеком важны, но для журналиста они не столь значимы. Человека надо оценивать по его делам и поступкам, по авторитету в коллективе.

– Благодарю, учту, – ответил я, размышляя о том, каково сейчас Нине после публикации зарисовки, коль она вызвала негативную реакцию в коллективе, где есть люди, столь ревностно относящиеся к чужой, причем заслуженной славе. Получается, что усложнил девушке жизнь. Действительно, неведомо, как наше, даже доброе слово отзовется? Для

одних оно бальзам на сердце, для других – яд или повод для зависти. Надо Кармен выручать, ведь не исключено, что завистники создадут условия для вынужденного увольнения. Похоже, оказал медвежью услугу.

– Полина Иннокентьевна, позвоните директорисе, – попросил я. – Пусть они не третируют, не обижают девушку. Она совершенно не виновата. Я по своей инициативе настоял и она дала фото, написал зарисовку и о том нисколько не жалею.

– Хорошо, позвоню, – согласилась редактор. – Похвально, что ты не равнодушен к судьбе девушки, готов подставить плечо.

Редактор слово сдержала, а я подумал, что надо бы утешить юную Кармен, убедить в том, что завистники неизбежны, особенно, на пути талантливых людей. Настойчиво добиваясь благородных целей, к ним следует относиться хладнокровно, терпимо,

Ночной рейд

С приходом днепровской воды по руслу Северо-Крымского канала, в церемонии открытия которого участвовал глава государства Никита Хрущев, впоследствии названный за любовь к «королеве полей» кукурузником, забот у сельских тружеников прибавилось. Прежде до 1962 года в засушливых степях полуострова, где ветер гонял перекасти-поле, крестьянам приходилось уповать лишь на «небесную канцелярию». Внимали прогнозам синоптиков в надежде на то, что пойдет дождь и урожай, той же кукурузы, зерновых колосовых, овощей, фруктов и винограда будет щедрым.

До крестных ходов с иконами и молитвами не доходило, ибо в стране атеистов религию считали «опиумом для народа» и в божественное чудо не верили. Ведь даже с поступление живительной влаги Крым продолжает оставаться зоной рискованного земледелия из-за ранних весенних заморозков. Однако в случае засухи орошение гарантирует, хотя бы среднего уровня урожай. К концу 80-х годов прошлого столетия площадь орошаемых земель на полуострове достигла 400 тысяч гектаов и, если бы не развал единого государства, то превысила бы полмиллиона гектаров.

Чтобы днепровская вода использовалась рационально с учетом состояния почвы и потребностей растений, а не на-

обум Лазаря, что приводило к заболачиванию и засолению, выводу земель из севооборота, редакция районной газеты «Приазовская звезда», в которой я заведовал сельхозотделом, периодически с участием членов народного контроля и специалистов райсельхозуправления проводила рейды по полям, рисовым чекам, садам и виноградникам.

Однажды агронома по орошаемому земледелию из райсельхозуправления Леонида Трайнина осенило. Войдя в мой кабинет, он предложил:

– Проведем рейд ночью, когда машинисты дождевальных агрегатов остаются без присмотра бригадиров, специалистов совхозов и колхозов и, наверняка, нарушают нормы полива, расточительно во вред растениям, расходуют воду, что ведет к дополнительным затратам, росту себестоимости продукции и заболачиванию почвы.

– В предложении есть рациональное зерно, – поддержал я. Вместе зашли в кабинет редактора, мотивировали целесообразность ночного рейда. Выслушав, Полина Иннокентьевна дала «добро» и напутствовала:

– Уверена, что вы станете новаторами в этом деле, ибо пока еще никто не догадался проверить качество орошения в ночное время. Опыт позаимствуют другие редакции районных газет.

Трайнин, как инициатор, возглавил рейдовую бригаду. В нее вошли: автор этих строк, корреспондент районного радиовещания Любовь Сиваченко, супруг которой Анатолий в

ту пору работал собкором «Крымской правды», а впоследствии председателем телерадиокомпании «Крым». За баранкой редакционного УАЗа с табличкой «пресса» на лобовом стекле был водитель Василий Федорцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.